

QB 96
W 905

LEO STERNBERG

GILYAKS
OROCHS, GOLDS,
NEGIDALS,
AINÜ

WORKS AND MATERIALS

1933 — DALGIZ — HABAROVSK

~~39(573)~~

Л. Я. ШТЕРНБЕРГ

№ 90
Ш-905

~~39(573)~~
Ш-90

ГИЛЯКИ ОРОЧИ, ГОЛЬДЫ, НЕГИДАЛЬЦЫ, АЙНЫ

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Я. П. АЛЬКОР (КОШКИНА)

~~БИБЛИОТЕКА
КАБИНЕТА
СОВЕТСКОГО ПОСОЛТВА
И НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
ПРИ ДСНК И ДНХ~~

Хабаровская
крайняя
Библиотека
458

1238557

Хабаровская краевая
Библиотека

БИБЛИОТЕКА
Хабаровского крайплана
№ 3024

1933 — ДАЛЬГИЗ — ХАБАРОВСК

~~Хабаровская краевая
Библиотека
Фонд~~

Л. Я. Штернберг.

ОТДЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ АМУРСКИХ ГИЛЯКОВ

(ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК И ДНЕВНИКОВ)

I.

ПЛЕМЕННОЙ И РОДОВОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ НИЗОВЬЕВ АМУРА.

Предание. Давно-давно гиляки, орочи, гольды — один народ были. Они родились на ольхе, на одной ветке. Брат и сестра не знали, куда итти. Сестра сказала: «на землю» и первая сошла.

С. Булава. Дуэ (куги) — 35 человек; еще имеются они в Пату, Тэбах, Маго. Когда пришли 3 человека, уже застали 1 дом Uчага. Mongol — хала — Djaxsul пришел сверху из гольдской деревни Чольчи (1896).

С. Майя. 1) Род Ungin'a. Его род есть еще в Вайры — они князева Вайры, но случилось, что брат брата убил, тогда развелились и разделили огонь: «если друг дружку убивать, тогда что родиться будет?» 2) Род Veldy — бывшие гольды, пришедшие сверху три поколения тому назад. 3) Род Polmk. Гиляки с реки близ Михайловского, живут здесь всего 5 лет (1896).

С. Монголь. Род Valzi из деревни Валь Оросугбу — из той деревни, где войны были. Зај из деревни Джай.

Valzi 4 колена из Уваль-хотин на Сунгари — Solodo. Когда они явились сюда, они застали только род Sigdyli (parni), но эти все вымерли (1896).

С. Койма, в верхнем Амуре. 1) Чогил пришли с Тро — один в Коль, другой сюда, третий еще куда-то. 2) Bajal — род маньчжу или Solodo из Козимы. Bajal будто бы раньше всех жил тут, потом их вызвали в Кизи, а затем они назад пришли, и им дали старосту.

С. Гери. Керп — хал-Dea. Беглые китайцы во время войны приехали на плоту, зацепили плот крючком, свой род сделали, потом огилячились. Затем пришли маньчжу, утвердили название этого рода и назначили старост. Dua-Tvanbfing (Pat) Ajumka из Тыми-финг.

С. Пули. Samagil — 2 колена с Горина. Отец осведомителя оленей держал. 2) Tumuli — с Джонгли, возле пермской: гольды.

С. Ухта. Tyvl-fing — жители Тывль — ульчский род (ulchaxala). Они ушли в Коль и образовали Tyvl-fing, но вернулись обратно через озеро Чля (3 дня ходу) — „шесть тятка, как назад пришли“, т. е. шесть поколений тому назад. 2) Dea — покойников сжигают: родоначальники пагпи пошли вниз, в Коль, и вернулись гиляками. Dea = kern-xal. Джатала — с. Удыли.

С. Мыхыль. Угна (Лангр) — Kugi из Руи (теперь Александровск на Сахалине).

С. Лыйво (третья падь). Dea в Койма, чистые огпуг (ульча с Сахалина) «давно-давно» пришли.

С. Ахча. Arhong kugi (айну). Пришли к гольдам и образовали с ними один род (отдали гольду жену умершего брата). Они же живут и в Тэбахе, откуда пришли в Ахча 5 поколений тому назад, а также в Чильми.

С. Тыльми. Хок-xal принят в Kern-xal, по случаю войны (перед приходом русских). Хок-xal убил Kalmfing, жителя Кальмы, из-за женщин. Хок-xal был маленький. Тогда убийца сказал своим сородичам: «вас мало, оставьте меня, пусть убьют». Кальминские пришли, окружили дом. Он вынес чумашку с калужьим маслом. Тогда старик отворил ему окно, тот выскочил, брат убил его сзади копьем, но он успел (перед тем) убить другого стрелой, и опять casus belli. Тогда-то Kern-xal принял Хок-xal: отдал ему свою вдову, ломали огонь и купили медведя.

С. Тварво, у устья Петровского залива. Род Alrong — Kugi (айну), переселившиеся несколько поколений тому назад с юга. Есть еще этот род в Тебах.

Другой род Narlaf 2 поколения тому назад пришел из Ньюра (1896).

В Таура, Чильба и Тыр — гольды и негда говорят на своем языке. Если отец гольд, а мать гилячка, то родители говорят с детьми каждый на своем языке, а дети говорят на обоих языках.

В семье гиляка Кандо дети больше говорят по-гольдски, как на языке более легком (1896).

С. Тыр, Тыри. Хал Хок (Нóипч'а) приходил сюда и уходил. Шесть колен здесь живет. Согласно преданию давно-давно его род (Чукчајі на Амгуни) пришел с верховьев Амура. Передняя партия пошла на Амгунь и оставила заструженную палку (чјах-вагаз; гиляцкое gesams'a, gesxa пагпи); вторая партия не за-

метила и пошла на Чхарбах (Турхунг), а третьей не понравилось быстрое течение Амгуни и она поселилась в Гок.

После китайцев в Тыре жили Кojma-fing. Это было в то время, когда «щука жила на земле, а змея в воде; щука кусалась, ей войну объявили неводом, стрелками и пр. Тогда бог рассудил, чтобы щука в воде жила, а змея под камнями». После этого Кojma-fing ушли в Койму.

С. Дэ, 1 км от Тыр. 1) Xal Ajumka. 2) Xal Samaxajl. 3) Xal N'asxajl.

С. Хок (1^{1/2} км от Тыр). 1) Kalm-fing — гиляки. 2) Род Udan (Ханьгану — 40 лет) — негда; переселился с Амгуни, а на Амгунь пришел с Удыли.

С. Кальма в 7^{1/2} километрах от Тыр. Три китайца: один женат на гилячке; один куги из Косуная, живет здесь уже лет 20, не женат, «денег нет купить жену».

Тут живет один хал, смешанный из Чокчагил и аинского хал'а Дмитрия в Тыре. Чэдзигр (см. ниже) делают, жен берут и от ольчей и от гиляков; есть женщины и с Амгуни. Теперь еще женщин у чокчагил брать нельзя. Двух сестер брать можно. Меняться женщинами между родами нельзя. Здесь тоже могут брать вдов. Дают дочь брату жены для продажи, но требовать этого он не может. — На медвежьем празднике в медведя стреляет кто угодно (1910).

С. Дальджа. — Род негидальский. Первоначально ры-негда жили в Дальджа, в 30 км отсюда. Вымерли все (осталась только одна девочка). Они жили в зимовье. Однажды летом тигр появился перед входом. Они пытались выйти из юрты, но не могли. Наконец вышли, перешагнув через тигра. Потом они во сне видели, что тигр спал с девочкой, днем, когда никого не было. Шесть раз спал, шесть раз «мальчик родился». Потом они поспорили и разошлись в разные стороны. Четыре поколения тут живут. Тырская ветвь адаптировала куги. У гольдов тоже их род есть (1896).

С. Кук, 10^{1/2} км от Кальмы. Чилба-хал (гольды) — говорят по-гиляцки, хоронят в земле (1896).

С. Тхнало (в 2 км от Кук). Kern-xal (он же в Тауро, Тылма, Тахта; 1896).

С. Кабачи (3 км от Тхнало). Kern-xal, Taxta-fing, Chalym-fing (1896).

С. Тахта (4 км от Кабачи). 1) Бывший род Хуз:уг. Одна семья говорит по-гиляцки; покойников хоронят. 2) Род Чоз'т

(от чозшиз: — клевать кучей, как птицы) Nag: gamlanz: (pag: — нора и рыбе молоко) сошлись вместе. Чоз'м — бедные люди. Они поспорили с какими-то гиляками, вступили в родовой союз со вторым родом и слились в один род. Чоз'м живут также в Кальме. На Пилаво тоже чоз'м¹. У Tvan-fing и Чилба-fing — гольдские законы и язык. Kalma-fing. Этот хал имеется еще в Чильми и Хэзь; будто бы из Пилаво. Kegn-xal пришли из Тыльми: 2 маньчжу, мужчина и женщина, на пароме плыли и кричали: „sinч агихал тшпуз:пá? — какой род меня возьмет на берег?“ Их крючками поймали на плоту.

С. Чильма. Чилма-fing из Пилаво, близ северного Сахалина. Один род Чилма-fing из Пилаво северного; 3 брата: 1 пошел на юг (Пилаво), другой сюда, третий к гольдам (1896).

С. Пилаво-хэзь (5 км от Чильми). В этом селении исключительно род pilavung (1910).

С. Хэзь. Исключительно род pilavung.

С. Тэбах (по-гиляцки Тэвх). Всего 3 юрты, около 30 человек. Род агхонг — айны; пришел из Косуная, на Пронги поставил тах — заструженную палку; сзади человек пришел, палка упала по направлению к Иски. Род агхонг больше всего в Тэбахе, далее в Акча, Чильми (1 дом) и в Иски (1910). Ignan вместе с агхонг, живущим в Ахчи, составляют один род: в Ахчи — гольдская половина, в Тэбахе — другая половина (1896).

С. Мачала, против Хэзь; 2 юрты негидальцев (1910). В 1896 году тут жили хез'-ринг и негидальцы (гу).

С. Пачи (Бачи). 22 семейства, около 100 душ. Девять русских домов и два uigryf. В нем роды: 1) Tva-bing (Тва было селение за Мхыль, возле Пат). 2) Aimkan живут в Плах (Пилаво), ниже Мариинска. Они жили на Амгуни, но братья подрались, и несколько братьев ушло в Плах, взяв кусок огня — tuug tozz — „делать огонь“. Там они сделались огпуг, потом давно, еще во времена японцев, из Корсаковского перешли в Тэвх и Кальво. Здесь два старых lezing, а также по одному в Каки, Маго, Васин мыс и в Тамлаво. 3) Род руги-fing (2 юрты), старая деревня против Кальво. Раньше, давно, жили амгунцы. Зеленый бор — Тууз; в Ухте — ольчи (1910).

С. Ныких Хез'бин (одно из Пилаво), на протоке Ный Мачала. Гиляков тут человек 20, есть еще амгунцы п'асхагил, которые по-гиляцки называются п'ас'хон. Двое из Пилаво поселились за последние 10 лет (1910).

¹ См. ниже Предание о Пилаво, 1910.

С. Кальга (гиляцкое K:alvo). Родов два: 1) 4 юрты lezing-tan-tva-bing (от lezing + tan — хозяин). Lezing-tan это колено (hyn'izlyx huz'i') tva-bing. Они ловили много медведей и имели большой lezing. Они поссорились еще в Тва и уехали давным-давно в Тамлво. Теперь они в Ег:ли (Яли) и Маго. 2) Pyrifing; три lezing и три uigryf (1910). Одна женщина гу — umgu — негидалка. 3) Lezgrang с сахалинского Тамлво. 4) Pyrifing ognug, пришли сверху; самый старший род здесь. 5) Narmlang — сверху близ Хабаровска; гольды (1896).

С. Мокрая (Мохрво). Роды: 1) Narmlang (ognug:) — pyrifing (ygdumsyl из Кизй, где их много). Здесь их 3 дома, четыре поколения тут живут. 2) Lezgrang — 1 дом, 17 человек. Гиляки все будто бы пришли с Амгуни (hynk) и поселились на Амуре. Один uigryf (1910).

С. Маго. Роды: 1) Mot'-tan (ognug:); 2) Lezgrang (1 дом) 3) Naromlang; 1 дом, 3 семейства (1910).

Роды: 1) Lezgrang, 2) Pyrifing, 3) Tyvlafing, 4) Nutyvix, с реки Тыми, 5) Narmlang, 6) Pnangung (1896).

Йоом-баль — гора в 6¹/₂ км выше Вайды; раньше тут гиляки жили из сел. Йоом. На левом берегу Амура за Йоом'ом бухточка, а за ней высокий берег с белым обнаженным k:aned'ж dzif (известняк) (1910).

С. Вайр (Вайды); в 1896 году было 3 рода: 1) Keg:n, 2) hirlung (hirlung + shafring), 3) lumg-ping. Теперь ognug всего 12 человек осталось; гиляков 10 человек; hirlung 17 человек (см. также ниже), shafring — 13; lumg-ping — 7 человек. Keg:n — ольчи из с. Аур; 4 колена в Вайр. Было три брата; старший брат здесь взял жену hirlung; за ним два брата пришли. Keg:n — пришли из южного Пилаво. Тут еще и свежеприкочевавшие ольчи; староста 12 лет тому назад пришел. Keg:n слился их гольдов из Софиевска и айнов с Крыус-пал', их древнего селения (1896). Shafring — это амгунцы из Дальджи; отцы еще говорили по-амгунски много-много поколений тому назад. Hirlung — старинные жители. Их род в Чильби, Кехрво (ороки). Chilbi-fing — ognug из Кехрво — Lumg-ping пришел из Удыль (Hugulong по-гиляцки). Больше этого рода нигде нет (1910).

Сходятся в один род так: женился ольча на вдове keg:n, потом за покойника медведя купил. Если женщины не взять, то (общего) рода нельзя сделать. Когда роды слились, то у них один lezing и один uigryf («грешный» дом, т. е. запретный).

С. Яли (Эг:ли), в 4 км ниже селения Мокрая; 7 юрт. Роды:

1) *iezing-gan* (1 дом); 2) *čilng-fing* (Кеду'-Орель — озеро), негидальцы, вероятно; 3) одно семейство из Н'аниво (1910).

Amng-xal, *namlang*, *Jarli-fing* (гольды с Хунгари), *Jegni* и *Njenxajfing*. О происхождении последнего рода существует следующее предание. Один брат гольд хотел снять *og* (см. ниже с. Коль) с девочки, другой предложил убить ее. Убийца уехал в Ньенха (близ Николаевска).

С. Каки (от Вайды 13 км). До эпидемии 20 домов было; юрт 5. Трое русских, один *uigruf*. Роды: 1) *Tvabifing* — 14 человек. 2) *Amng* из амгунцев; всего 3 человека осталось, остальные вымерли; в последнюю эпидемию вымерло 3 дома (1910). 3) *Kegnang* из Чомы. 4) *Tvan-fing*. Один старик говорит, что он от гольдов сверху, другой с р. Уль близ Авра. 5) *Amn-xal* — гольды; пришли сверху; первый хозяин этой деревни; это самый старейший *xal*. Прежде большой *xal* был, потом все вымерли (1896).

С. Чхарбах. *Torghung-xal* (1896).

С. Тебах раньше была деревня, лет 20 тому назад (1896).

Вась, Васин мыс. 1) *Levx-ping*, мыс возле Налево; 2) *Derxt-vup* (1896).

Кукля и Мео. Первый хозяин деревни до русских был род *keg:n*, теперь 9 человек осталось; живут в Вась (1896). *Meo-fing* из Хаймы, выше Богородского (1896).

С. Коль. Рады 1. *Miera-fing*. *Miera* — самый старейший *xal* — это *Чvипung xal* (Ларун), пришел с севера, с речки Али (2 дня ходу от Шантар — *Kuvngif*), потом *xal* разделился, и часть его пошла на Сахалин (*Larun*, *Ylevut*). Берет женщин у *ховnung*. Али — речка, широкая как Амур. Давно-давно *у'lug* и *гиляки* один *xal* были. Слышали, что алеуты тоже собак держат и медвежий праздник делают. 2. *Tigr togr ping*. На *hovux* (плот) по Амуру плыл человек. Мачинские *гиляки* его поймали и на лодке отправили сюда. Берет женщин у *perxvung*. 3. *Кез:ung* (из Петаха) — берет женщин у *ховnung*. 4. *Perxvung* (с Сахалина). Берет женщин у *ховnung*. 5. *Nupxaj-fing* и *ховnung* из сел. Кыр за Софиевском, где речка Нынхай (они оттуда пришли — *чипгох*). Здесь в Коль один *xal* с *Ховnung*. Берет женщин в Лангр. 6. *Ховnung* (гольды). Два брата поссорились и решили поделить *og* — цепь и камень на девочке одного брата, и ее убили. У них есть аинский кинжал с серебряной ручкой. Женщин берет у *snarnung*. 7. *Snarnung* берет женщин у *Perxvung*. 8. *Tyvlifing* — с Ухтр, близ Софиевска (*Ornug*). Берет женщин у *Perxvung*.

Старик Нашг (86 лет): его род тут живет по крайней мере лет 150, по его мнению 8 колен. Теперь его хал Snarnung. Предок его пришел с Амгуни, у устья Амгуни столб поставил, но он упал. Он пошел с семьей через озеро Чля, перевалил сюда. И теперь его род на Амгуни — N'as'xajl. Пешком пришел. Тоже ломал огонь. Купил речку Тыыв (приток Коль) — обменяв за сестру (1896).

II.

ПРЕДАНИЕ О ПИЛАВО.¹

На севере Сахалина у отца было много детей. При дележе поспорили из-за камня с дырой от; надеваемого невесте на грудь на серебряной цепи. Один брат говорит: «Вы поделили все, а уж камень мне отдайте». Надел дочери на шею и через ночь снять не может. Другие сказали: «Дочери — не наш род, они замуж уходят, как же такую дорогую вещь им оставить?» Старший брат: «Только сыновей считаем, дочери не наши. Детей сколько хочешь можно сделать, а таких камней не найдешь». Потом старший брат все хотел девочку убить, а младший брат караулил. Младший брат рассердился и убежал с южного Пилаво на северный. Случился голод. Во время самого сильного голода они убили тюленя, одну маленькую нерпу убили. Сварили, по кускам разделили, поели и косточки остались. Ребятишки стали грызть, драться. Один брат пришел и стал бить сына другого брата этой же косточкой по «роже»: «Ты, собака, на, жри!», и бьет парня. Парень начал плакать. Отца дома не было. Мать заступилась за сына, и матери досталось. Через некоторое время отец приехал. Мать пожаловалась мужу, и произошла драка.

После этого стали делиться, поделились. «Жалко бросать свою деревню, буду искать такую местность, как Пилаво». Переехал лиман: такой местности нету. Стал подниматься по Амуру и нашел Хез'ь; местность такая же, как Пилаво, и назвал его Пилаво. В северном Пилаво есть гора Ныхих, где собирают ягоды и корень. Против Тебаха он нашел остров, похожий на сопку; он назвал его Ныхих и поселил там своих сородичей. И теперь есть

¹ Записано в с. Тахта в 1910 г. Пилаво четыре селения: два на Сахалине, одно — Хез'-Пилаво и еще Ыкы, гольдское селение близ Хабаровска. Там еще сжигают покойников и есть медвежий праздник. Местность одинакова во всех четырех селениях.

такая деревня. Жили, плодились, ребяташки выросли, стали «мужики», в Хез' образовалась целая деревня, и на Ныких тоже целая деревня. На Ныких народу было мало.

Сверху на 12—13 сколоченных лесинах во время самого большого наводнения какой-то незнакомый человек плывет вниз по течению. С Ныких выехали, поймали этого человека, пробовали говорить, ничего не понимает. Этому человеку было лет под тридцать. Накормили его, приняли его. Он жил у них около года. Начал работать, что покажут. Стал по-гиляцки понимать. Никто не знал, кто и откуда этот человек. Когда он хорошо научился по-гиляцки, стали его спрашивать. Его звали Маньчко. — «Откуда ты приехал, не бойся, расскажи всю правду!» — «Я полюбил одну женщину, хотел было на ней жениться. Эта женщина другими сосватана была. Они приехали, от меня отобрали. Хорошо, что меня дома не было. Без меня отобрали, увезли. Все время этот жених караулил меня. Я его тоже караулю, чтобы столкнуться один на один: или я его, или он меня. Слышу, он в тайгу ехать на охоту собирается. Через несколько дней мимо моей деревни со своими товарами на нартах, наполненных разными орудиями, проехали двое. Сейчас же мои люди начали: «Твой враг (чип огор н'ивих)». Мне и так обидно было, а тут еще люди смеются, а он в роде насмешки через мою деревню проезжает. Я все-таки вытерпел. Когда они уехали, через несколько дней я собираю свои стрелки и свою дубинку (мучо) в рост человека, — нижний конец, как у тормоза, только длиннее, а другой конец вытянутый и острый. Что делать? стрелки, нож и дубинка. За ним поехал, его табор нашел; еще один табор нашел. Они в тайгу пошли. Дело было летом. Далеко ли они пошли, где и когда их встретить, не знаю. На третью ночь нашел настоящий табор. Ночью сделать нападение? Мне совестно будет, если я, мужчина, кого-нибудь украдкой убью или раню. Лучше я выплюсь хорошенько и отдохну и днем приду в их табор со своей дубинкой. Буду просить, чтобы кто один на один ко мне вышел. Отдохнул. Недалеко от их табора ночевал и подумал: «Если двое на меня нападут, я, однако, с ними не справлюсь» (так думает). Утром встал, идет к ним: что будет, то будет. Одинокому человеку не страшно. Убьют, туда и дорога, — «ixa' igra' idif tugut». Подходит к их балаганам: «Ну, товарищ, выходи! Будет вам надо мной смеяться! Только один на один с дубинкой. И будет нам уже подкарауливать друг друга». Тот говорит: «Я брал свою, не вашу. Вам за мной гнаться и караулить меня не следова-

ло бы. Если со мной хочешь пробоваться, почему не так? Раз вы надеетесь на себя, хочешь меня проучить или надо мною смеяться? У тебя кости не железные, такие, как мои — мясо!» А Маньчко же говорит: «Ты, мужик, не баба, мы с тобой долго будем лаяться. Выходи, а то стрелять буду».

Тот охотно или неохотно вышел, давай дубинками воевать. Недолго времени и как-то тот ударил Маньчко в локоть. Маньчко чувствует, рука плохо действует. «Молодец, ты меня сразу изувечил». А товарищ неприятеля Маньчко стоит и смотрит, кто кого? Неприятель говорит Маньчко: «Люди так не делают, брось смеяться!» Маньчко пустил удар ему по голове, но не попал. Тот ударил Маньчко, опять в локоть попал. Маньчко думает: «Дело мое плохо». Засмеялся другой товарищ, который стоит и говорит: «Ты такую даль проехал, как без рук, без ног назад пойдешь?» Конечно, забрало: и больно, и совестно, и думает: «Верно, так и будет: хоть одна рука цела, зачем я такую даль прошел?» Правой рукой схватился за нож, раз ударил, другой ударил; тот свалился. Его товарищ говорит: «Не по закону делаешь. Так это не делается, больше не делай раны и этого достаточно». Маньчко повернулся, обратно пошел, две ночи в дороге ночевал. Приехал домой и ничего не говорит. Другие стали расспрашивать. Маньчко говорит: «Делал дела, вам нечего спрашивать, я один в ответе, вы за меня не будете отвечать, вы хотя со мною, винить вас не буду (ching n'igrigir ching daxch xejlo). Через несколько дней слышу: выехали охотники. Шибко болел. Маньчко себе думает: «Меня защищать некому. У него родня, сватья (брагу); если он поправится, меня убьют, как собаку выбросят; мне здесь не житье! Лучше мне удалиться. Чорт с ними, с бабами! Лучше мне удалиться».

Маньчко оказался с Горина (Гыр), рода самагир. Взял себе топорик, стрелу, дубинку и пошел на охоту. Пошел по тайге бродить, шел, шел тайгой. Вышел к речушке, давай паром (t'om) делать. Если есть в этой речушке быстрое течение, куда понесет, туда поеду. Может быть, в какую-нибудь деревню приеду. Сделал паром, спустился вниз, сел на паром без весла, без ничего, толкнул от берега. Течение здорово вниз понесло. Плыл вниз, куда поведет. Дойду ли до живых людей? Думал и плыву. Через несколько дней — деревня, собачий голос слышен. Вот подойдет, скоро деревня, может меня снимет кто с парома. К деревне не подошел, вода мимо деревни пронесла, и есть нечего! Без весел пристать никак нельзя.

Вот и плыву вниз. Ночь плыву, день плыву. С этой речушки вышел на Большой Амур. Ветерок начинается, паром несет быстро, тальниковые кусты только мелькают. Ветер начинается. Мой паром начало трепать (разрывать), t'om herongдох-herongдох гуз: лаг: з'аг: (к парому плещет вода). Ах я дурак! Когда я услышал собачий лай, надо было орать, и кто-нибудь снял бы меня с парома. Теперь ни за что погибну. Начал богу молиться. Начал укреплять паром ремнем, кушаком. Веревки нет. Вдруг начинает светать. Перед рассветом собаки стали выть. Как услышал собачий голос, начал кричать во всю глотку. Туман начал проходить; вижу, берег близко. А течение несет здорово. Вдруг впереди меня какая-то городьба поперек Амура стоит. Дай бог к этой городьбе пристать, чтобы дальше меня не несло. Вдруг паром к городьбе пристал. Когда паром остановился, шумит вода по верх парома, стало заливать. Делать нечего, взял свои вещицы, дубинку, стрелы, повесил на городьбу, сам вылез на нее и сел. Нет, нет да кричу, ору, и вдруг лодка откуда-то едет прямо. Смотрю человек». Маньчко стал махать, кричать, махать. Тот подъезжает к нему, смотрит на него. Маньчко начал говорить ему по-своему: «Возьми меня к себе», тот ничего не понимает. Маньчко подошел к нему, отдал ему свою дубинку, стрелки, одежду. Тот взял и его пустил на лодку, повез его, принял его к себе, кормил его, и он стал жить у них.

Поймавший был рiлавун (житель Пилаво) из Ныких (Магула?); там посадили березу, осину, ель и пр. Теперь старики померли. Прибавился пойманный, сделали его к:хал (т. е. приняли в род), Его колено теперь вымерло. Плодились, множились (taxta — 2 юрты, кабачи — 2 юрты, чiлmi — 8 семейств, хез'и — все рiлавун. Плодились, множились, построили большую избу — сажен 15¹ (3 обычных), там жил. В этой полной юрте все рiлавун (жители Пилаво) живут, а остальные в другой юрте. Жили богато, ездили в Японию, Маньчжурию (Сайсин), в Корсаковск, покупали китайнок, к ним рабынь (за Сайсином), также аинок и к ним рабов и рабынь (крьгырыс); жили очень богато, все имели полное богатство». Однажды был праздник. Раз сварили собачье мясо (прежде собачье мясо ели). Ребятишки подрались, старшие вступились, и пошла драка. Даже дошло до ножей. Из Тебаха приехал старик Уигунг (из рода агхонг) и помирил их. Все-таки после того, нет-нет, напьются ханьшину, и снова драка. Собрали сходку полную (сходка — vorud kumlyz) и

¹ Т. е. около 30 метров.

стали делиться. Работники были женатые и дети их тоже были рабами. Сначала делили рабов, вещи разные, меха. Один брат вместе с рабами поехал вверх по Амуру: „Буду искать такое место, как Хезь (раньше оно называлось Пилаво, в китайских книгах называлось Тајгá, а по-гольдски *daj gasá* — большая деревня). Прозвали их *hes'-pilavo* от слова *hes'* — глотка, потому дерутся из-за глотки, а не за серьезные вещи. Он остановился возле гольдского сел. Ыкы (с. Сарапупльское). В Ыкы — старинные гиляцкие выселенцы из с. Пилаво на Сахалине. Плодились, множились, теперь их мало осталось. Покойников все еще сжигают.

III.

ПРЕДАНИЯ О ПРОШЛОМ.

Старик-тойон по поводу раскопок¹ сказал: «Это корейские. Давно-давно война была. Раньше тут корейцы жили; потом китайцы пришли и выгнали».

«Давно-давно китайцы жили в Пуире на Амуре. Китайцы погнались и стреляли из пушки».

«Гиляков еще мало было тогда. У мыса на горке близ самой деревни (Лангр) пушку поставили (ямка осталась), стреляли в русских у осыпей в бухте Пуир (осыпи Пахзыр). Ямка на горке почти заросла, прежде она была глубиною в 4 метра; обсажена камнями. От пули 8 ночей горел лес, переулок сделался; пулю в Коль нашли — 4 человека поднять не могут».

По преданию возле озера видели 28 черепов, которые «ночью кричали, ходили воды пить; теперь вся вода высохла, «судно помирай».

По уверению одного старика, на его памяти и памяти отца его гиляки и их соседи издревле занимали те же места. Маньчжу (китайцы, манзы) явились со времени русской войны, больших городов они не строили, селились одним-двумя домами, и только в Тыре, Ахчи, Мыхыль у них были караулы. В Тыре жил губернатор.

При появлении маньчжу, во время войны с русскими, гиляки удалились на море, на Сахалин и т. д., но, по удалении маньчжу, стали возвращаться назад.

По другому варианту, когда часть жителей убежала, а часть была захвачена, спаслись 3 человека (2 мужчин и 1 женщина),

¹ Которые производил Штернберг.

которые убили 2 солнца. Вернувшись, они на месте Амура нашли горы и ушли обратно (от Шульгина Хокфинг, 80 лет).

Маньчжу воевали с русскими, пришедшими сверху; весной, во время хода горбуши, часть русских попряталась в тайге, и их нельзя было найти.

Русские с Амура спаслись на Амгунь; манзы их преследовали, но безуспешно. Тогда китайский генерал попросил у бога снега, и выпал снег по колено, и по следам нашли русских и перебили.

После войны с русскими китайцы поставили на верхней Амгуни (Бурухан) — столб — «пока он будет стоять, русские не могут ходить». Теперь столб упал.

На Амгуни есть также гора «Намнахан», ниже Гуги 19 км, со следами копыт. Там была ночевка маньчжу во время войн с китайцами.

Каменный котел и сапог на утесе «Гуляхан», пониже склада Шадринского прииска.

По преданию на одной горе сохранилась маньчжурская надпись.

Проводниками китайцев по Амгуни были негидальцы из рода *jumkan*, а по озеру Орель — *N'as'xajl*.

Русские жарили детей на штыках и кушали их мясо; женщинам отрезали головы (1896).

Сохранилось предание о способе борьбы туземцев Амура с русскими. Однажды маньчжу преследовали русских, но часть оставили. Возвращаясь, русские решили напасть на Тыр, полагая, что это манзы. Гиляки на доски положили камни и привязали их. Когда русские подошли к утесу, они отпустили веревку; и все русские погибли, но один пустился вплавь; его поймали и *Кеп-ха!* отдал его *Агп-ха!* у, который устроил в тайге медвежий праздник.

В Мача (левый берег Амура), против Кальмы, был такой случай. Гиляки отправились на охоту, устроили балаган; вернувшись, они увидели массу людей. Тогда они тайком убежали, собрали со всех деревень людей и устроили в разных пунктах за тальником засады. Когда русские стали выходить, их всех перестреляли.

Гиляки применяли иногда и такой способ борьбы: они привязывали бревно так, что оно отскакивало и било по ногам, и враги падали; потом их окончательно добивали (с. Каки).

Сохранились также воспоминания об отношениях китайских

чиновников к амурским туземцам. Гольды платили даже за собак, гиляки — с человека; китайские чиновники брали по произволу, и их халки (лодки) с людьми надо было кормить. За это выдавали квитанцию, дававшую право на въезд в город Сунгари (Нчх-хотин). В противном случае в этом городе пытали. Рассказчик самагиль в молодости ходил без квитанции; по его словам, платили за кормового человека 40 руб., а за простого 20 и во соболу с каждого человека.

IV.

СЛИЯНИЕ РОДОВ И МЕДВЕЖИЙ ПРАЗДНИК.

Два рода сошлись — k:xal m'ek:r: vutč, Сходятся в одну юрту; присутствуют и посторонние, сговариваются, и, если препятствий нет (напр., друг у друга не брали жен), то xlaј n'ivux объявляет, что два рода в один слить можно. Другой представитель отвечает: «Верно, большие дела вместе мы работали, вы тоже нам помогали, мы тоже вам помогали. Раз образовав один род, k:xal сделаемся». Он говорит: «Препятствий нет, наши сыновья и дочери будут братьями, но у нас есть дочери, сватья, необходимо, чтобы все знали и потому необходимо сделать общий медвежий праздник». Каждый k:xal должен купить по одному, лучше по 2-3-4 медведя. Соглашаются. Покупают медведя, готовят мось, откармливают медведя как можно жирнее, кормят год-два; готовят мось, покупают беговых собак. Наконец, наступает время праздника: играют, борются, потом медведя убивают. Перед убиением медведя избирают старика — он может и не быть хозяином медведя; это nga xez'-n'ivux; отказаться он не может. Он говорит медведю слово: „Či pilá pal' ingur p'ach'az: kukuja xulava:g čajpidugujá!“ — ты, большая гора (горный человек), хорошенько нашу гиляцкую быль вытряхивай; повернувшись стань, чтобы я еще тебя увидел“.

Убили, разрезали мясо (костей нельзя разбивать), внесли в избу, мясо сварили. Состязаются „гонкой“ — varz:. Созывают оба рода, и мужчин, и женщин, раздают всем медвежье мясо. Обыкновенно старший советуется с хозяином, как делить медведя. Самые главные кости, это две берцовых — tereng и две тазовых — ruјx. Берцовые и тазовую кости дают самым почетным лицам. Голову и почки грех давать молодым; почки очень важны. Потом xlaј n'ivux говорит: „K:xal m'ek:r: ólagu k:xálgu inguólagu umgugu-tox its: furará; navat m'er: cuz'n'axr:, ngar:

p'ax:t: mupaxana. K:xal itz: furará: „umgu n'i ó:la, utku n'i ó:la, umgu n'anak, n'i n'anak, n'i panak'ar. Nafxá-chi n'anak furará navát, chiagr. Ni ukyn furará n'an ч'ач'ек мупаханá“. Другой представитель отвечает: „Agitlá, pilymra siktumù mer: vará tyngyztá ching ag:yur: ningrota, ningagr vara chingrodá, n'ishak lyt k:xal, k:xal mupaxaná“. — „Двух родов детям, родам, девочкам, женщинам говорю: „Теперь мы мясо одно, кровь одна сделаемся“. Род так говорит:¹ „(Каждая) женщина мне дитя (дочь), (каждый) мужчина мне дитя (сын), женщина — старшая сестра (также тетка) мне сестра (мне тетка). Теперь ты, товарищ, сестрой называешься; ты тоже. Я старший брат, ведь; я тоже тебе младшим сделаюсь“. „Конечно, так. Большие дела все мы одинаково работали. Вы тоже нам помогали, мы тоже одинаково вам помогали. Раз образовав род, родом сделаемся“.

„Старший (т.е. избранный для дележа мяса; он может быть и молодой)! Хорошенько думай, девочкам большим, сестрам (теткам) большим, зятьям хорошего не выделяй. Большим людям много подай, девочкам дай поменьше, большого старика в роде почками накорми, голову подай; спинное сало поровну раздели, не обдели. Берцовую кость старшим зятьям подай, тазовую кость зятьям подай. „Pilynga urgur kymlyjá, umguolagu pilý, panakagù pilý, ok:ongú-tox urlý chus' ngox ta rozgujá, pila n'ivuxдох malg:ógur xet'ijá umguolagudox xiskioguja! K:xalgu pila, hejmartox, tafut jarjá k:orx xet'ijá. Tereng pily oxomдох xitirá, pyjx n'yn'yv póradox xet'ijá, mur:k ngox vará rozjá ta rozgujá...“

Отдельное лицо, после предварительного совещания, наконец, приводит медведя и отдает его самому важному лицу, а тот спрашивает в присутствии нескольких urdla n'ivux (хорошие люди): «Зачем?» Приведший медведя отвечает: «Я хочу побрататься». — «Ну, ладно».

После этого без него советуются с k:xal. Во время праздника новые сородичи покупают собак, готовят кушанье. За едой говорит аналогичное зять, а сваты называют его своим тестем, шурином и т. д. По окончании праздника адоптированному дают своего кресала — tugur:, но настоящий uig tuur (табуированный огонь) ему не дают. Uig tuur на деревне бывает не больше двух-трех. Им зажигают огонь на медвежьем празднике, на охоту его берет только urdla n'ivux, когда идет за медведем.

Устраивается медвежий праздник и по другим поводам, на-

¹ Повидимому, один представитель рода другому.

пример, для примирения с зятем, к:ха1'ом или чужим. Если человек своего зятя обидит, при покупке, напр., то он молчит, молчит и к:ха1, но дуются, пока для примирения (utla lytnuz:) тот не устроит медвежьего праздника.

К каждому новому медвежьему празднику необходима чашка для головы — hyl. Медвежью голову кладут всегда на новую чашку, а старую употребляют для мяса и пр. Посуду для медвежьего праздника всякий может сделать. Чашка для мяса повязана детородным членом медведя. Чашка, из которой медведя кормят в последний раз в юрте и непременно со стороны, противоположной двери, называется pukstov-p'ir.

Когда брат своей сестре дарит медведя, то ему самому завести его нельзя; за ним надо заехать с помпой. Медведя встречают с музыкой заз-чаз. Когда хозяин в последний раз кормит медведя, он ему говорит: „U'gur humujá! Wiganp úgur humujá — хорошо живи! Когда пойдешь, хорошо живи“.

Даритель не стреляет в медведя и сейчас же по окончании праздника уезжает, даже (кусочка) не попробовав, а сам должен привезти с собой мось и всякие блюда.

Когда медведь заболел, тогда устраивают pylng-tvysk и готовят uig, мось из самых различных яств и самых различных ягод.

Luk: — собака, нарочно рожденная для uig.

Когда жертвуют собаку, то ее шкуру, голову и кости кладут возле lezing в сруб (к:авпух) и туда же кладут и кости медведя. Одни роды вешают головы на деревья. Место это называется k:ok ngangof.

V.

РАБЫ.

Сын раба остается свободным до шеи (т.-е. голова свободна), его внук — до пояса, правнук — до ступни, в четвертом поколении — потомки «чисты». Тогда он к:ха1, т.-е. сородич хозяина, и если кто-нибудь называет его рабом, он может судиться с ним, и потому, когда спрашиваешь про потомка раба, какого он рода, он отвечает тихонько: „Pilavon k:hal purará hoxagirp os' krygrys“,¹ т. е. что он рода Пилаво, по происхождению раб („корень раб“). Когда ругаются, говорят: „Ты только до плеч чистый, а там нечистый“.

¹ Krygrys — раб аннский, ах — китайский.

Если крыгрыс и выкупил себя и хозяин должен был дать ему жену, хозяйство и отделить его (roz'd'), он все же считался крыгрысом, нечистым. Всякий крыгрыс считался k:xaI и до его перехода в свободное состояние за него мстили, он участвовал в жертвоприношениях. Хорошему крыгрысу дают пай от заработка — он имеет право на половину дохода и вправе требовать ее через суд — xIaj-n'ivux'ov; и женщины пожилые имеют право участвовать в суде (их приглашают, и они имеют право сами прийти, если жалеют раба). Жаловаться можно и за побои.

Крыгрыс — женщина не может себе требовать пая через суд, потому что она замужем. За нее и муж не может требовать пая.

Китайский раб — а х, имеет такие же права, как и крыгрыс. Свободный — kistylygy n'ivux („чистый“). За убийство раба достается от [рода. Убийцу ругают, когда напьются: «Если ты храбрый человек, то у нас есть старший зверь (paI pila k:otI — горный большой медведь, meI edr: — тигр), с ним сражайся; медведя хоть бы убил и нас бы угостил. Таких храбрецов нам не нужно, ты можешь храбриться только около своей жены». Особенно бабы нападают. Но и теперь еще к потомкам крыгрыс относятся свысока. В 1909 году в Тахте стояли еще две юрты бывших рабов.

Чаще всего рабы приобретались через покупку аинок, которые в приданое получали раба и рабыню. При покупке жен цена соответствовала придаче рабов. В 1896 году жил там бывший раб, о котором имеются нижеследующие сведения. Нарни купил с Кизи девушку куги (аинку), и родился незаконнорожденный ребенок. Отец Хузина купил сына этой куги (крыгрыс) в Кизи. Ему было лет 25; за него заплатили 9 кусков шелковой материи (21 метр) по 75 рублей каждый.

Этот работник служил у него 5 лет. 18 лет тому назад он убежал в Кизи, потом в Арво (возле Нижнетамбовского). Име этого крыгрыса Кутр. Его бывший хозяин из Хэзь позвал его шаманить, и он воспользовался этим и убежал. Теперь он старик, слепой. Его обязательно надо взять назад хоть слепого, кормить его и похоронить собственными руками, тогда его душа пойдет за ним в Млыво (отец, умирая, просил его об этом).

Китайнок тоже покупали таким образом. Необходимо было брать с собою соболей 100, лисиц 100, выдр 100, белок 100, хорьков 100, чернобурых лисиц от 10 до 100, нерп 100, медведей 100. Приезжих в Сансин встречает, бывало, купец, забирает к себе все товары и, не считая, завозит в амбар. Два дня угощают, распра-

шивают по-гольдски или через переводчика. Приезжие сообщают о своем желании жениться, потом записывают, сколько каждый привез, и ведут к губернатору. Он дает телеги, провизию и их везут в главный город (Пекин). Их представляют, помещают во дворец, дают им прислугу, кормят, ухаживают, как за «господами», водят по городу с переводчиком. Наконец, перед ними выстраиваются целые ряды женщин, с покрывалами на лице; за каждой стоит оскопленный раб. Старые гиляки советуют: «молодой раб — старая женщина — фарт». Тут же забирают, отводят каждому по комнате, раб подметает, стелет и в эту же ночь он узнает свою судьбу. Подмалеваны. Сует язык в рот: зубов нет.

Обратно едут в Сансин с женами и рабами; там каждому дают одно — или многомачтовый баркас, который нагружают на 10 лет провизией, одеждой, шелками и пр. на всю семью. Когда возвращаются, жена уже в положении. Если родится дочь, то ей в приданное дают раба. Те, которые приехали в Сансин только дать ясаку (одного соболя), получают две гребенки, кусок дрели, 10 бутылок ханшину и пр. Аинок покупали так: ходили на охоту, привозили соболей и пр., также китайские товары и попутно жен покупали.

Женщина, вышедшая замуж в род Jusk'in, получила в приданное от отца рабыню — а х, которую снабдили японской саблей для чистки подошв ее госпожи. Потом гиляк купил ее в обмен на свою дочь. Бедные отцы (вообще) продавали своих дочерей в рабство.

VI.

СЕМЬЯ И РОД.

Брачные нормы и тотемные роды. Сородичи-братья могут одну жену содержать, но лишь один из них считается хозяином, хотя купили жену оба вместе: второй пользуется супружескими правами только в отсутствии первого.

Если пожили год-другой, муж советуется со старшей женой, кого взять еще. И она сама едет выбирать помощницу из своего ха́ла или из чужого, и жены называют друг друга сестрами. Мужчина спит отдельно, и каждая жена отдельно или мужчина посередине. Старшая жена заботится о всех детях. Младшие не могут распоряжаться над ней, и она командует. Бывает, что ревнуют и дерутся. Сватать едет: 1) отец и мать, 2) старший брат, 3) брат отца, 4) муж сестры отца.

Двух сестер в жены брать можно. Братья безразлично могут брать вдов. Лучше всего брать жену из рода матери, тогда можно получить ее даже даром, а если платят, то все же меньше. Раньше совсем не платили за женщину, если она из рода матери. Меняться женщинами между родами нельзя. Здесь тоже дают дочь брату жены для продажи, но требовать этого последний не может.

Запрет на потомство сестры до 4-го поколения.

В Вайды (см. выше) есть гиляки рода *Higulung*, вступившие в союз *k:xał p'ax:g:* с хузуг' в Чильби. Раньше они жили вместе в одной местности и принадлежали к роду тигра. Есть гиляцкий род, который породнился со змеем (на Амгуни есть змеи; их видел на Амгуни Путюн).¹ Есть и гольды, родственные со змеями.

Молодой человек из Вайды полюбил жену корейца, гилячку, и пользовался взаимностью. Она поехала с рыбой в город, кореец остался караулить картошку. Тогда любовник едет в город. Сошлись они, две недели провели в городе. Приезжает домой — теща тоже любит гиляка.

Кореец требует жену, жена стала бросаться. Ночью гилячка убегает на двор и спит с гиляком. Кореец раз побил, теща и братья заступаются, кореец жаловался, зачем гилячку взял. Убил корейца (с. Маго).

Если зять шурина побил, то он должен (подарить) партию беговых собак (3-5; продаются только партиями) — *kylyp k:an*. Первая собака *kyly-k:an*, вторая — *k:ax*, третья — *jeŋxre-k:ax*, четвертая — *tyly-k:ax*. Если первую отдельно продать, то все никуда не годятся. Их ставят на известном расстоянии (шагов 10-15) друг от друга и притом в обратном порядке, именно, первую — *kyly-k:an* — последней, дальше всех, и она должна всех обогнать, и вся штука в том, что все должны сойтись одновременно, а если *kyly-k:an* придет раньше всех, то это не его пара. Стоимость партии до 100 рублей. Зять, в случае драки с шурином, дарит ему такую партию собак, при чем привозит их сам или, если совестно, через другого, и отослать их обратно нельзя, разве только, если собаки плохие. Если же шурин зятя обидит, то для примирения он дарит шелковый халат (35-60 рублей) или медведя.

¹ В тексте „удав“, но, судя по примечанию 6 на стр. 222 „Материалов“ к изучению гиляцкого языка и фольклора, это описка при путевых записях.

**Внутри рода
воссорились.** N бросил жену, получил калым обратно и стал бродяжить по русским и пр. Старики собрались и решили получить обратно женщину, тесть не соглашался: «Баба не собака, пробуют и бросают». Все-таки для одного молодого человека купили ее. Тогда N в Хез' стал буянить и грозиться за то, что те взяли брошенную им жену. Но они ему возразили: «Ты не сам купил, а на деньги отца» (родовые). Кончилось тем, что дали беговую собаку, мех и две бутылки водки.

Присяга. Присяга — simbi чaxci lambe — по-гольдски, чхуз'и пууз:га́ — по-гиляцки.

Надо убить волка (lygyz') и сухожилия на обеих задних ногах поочередно пилить ножом от пятки до колена и спрашивать: «Где жилка для вора? (ennixrongz'? ennix — пятка, tongz — жила), где краденая жилка? — jeng:az' tongz' шамджна?» Ту жилку, которую дергает, вынимают тайком, сушат и хранят до тех пор, пока будет спор о воровстве. Ищут человека, понимающего присягу — чхуз'и п'ивух, а этот дар передается по наследству (теперь лучший род — это род чхузы; к нему принадлежит Илья Тобонка из Чильби). Если посторонние пробуют, то большой грех будет.

Вор, уstraшенный угрозами присяги, со своими ха'гу — сородичами приезжает в деревню обиженного; раскладывают большой огонь на берегу.

Обиженный со своими людьми тоже выходит к костру, кричит: „Pryja', mygja', n'i heg:at pxalgun polagun pryз:га́ чигры' tuur pugutá enan'ivux, jugut prydox kaukra', par:k pryз:га́. Ni sizumral'ó, sia:jejmraló черax jot'in (прыз:га́) helá eg:ur pxog:e jahgujá“, т.-е. „Приди, спустись, я испугался со своими сородичами, со своими детьми пришел; на твоём берегу огонь зажжен; чужие люди со мной не пришли; одни пришли (Я ничего не знаю). Какое дело (какая вина), к тебе пришел спросить. Ну, скорей свою думу выскажи“. — Тот посылает посла — хити п'ивух'а (главный во время войны) с копьем, на которое он вместо костыля опирается и начинает говорить. Вор с своей стороны посылает хити-п'ивух'а. Ничего не выходит, приходится присягать. Приезжие и местные выстраиваются по обеим сторонам огня. Тут же присутствует и „присяжный“. Они спорят: „Ni valcg:aj p'egax elvg:az'ó — если я вру, пусть будет мне плохо“.

Присяжный тихонько начинает греть жилку на огне, и вора начинает подергивать, и тогда он сознается (pyimz). „Urk pyimz: чигарá. Navat taktó jaxojló. Чing vark kymlyvé“ — „Уже сознаюсь,

теперь что поделаешь. Вы сами подумайте". Если же напраслина, то настоящего отсутствующего вора будет подергивать.

Пострадавшему платят, сколько потребуют, и если вор беден, то дают женщину. Присяжному дают по усмотрению. Присяжный, когда жилку вынимают, вороне и кошке говорит: «Я не знаю, правда ли, нет ли, ты мне худого не делай; все равно ты тоже не знаешь. Если, действительно, дело есть совершивший, туда худо пусть будет». «Ni tajorá mykyslu jag:yd-lu ta-n'erox tox elyvgujá. Чи пaл'ар: чап мај:охапá. Mykyz' mra lytyng ivg:aj huktóx elyvg:az'о». Пока спорят, пускают ворона (ves') и кошку живую в огонь. Ворон каркнет — и человек каркнет и тоже в огонь лезет. Кошка мяукнет, и человек тоже.

Присягу делают для завязанного злодея, желая ему смерти: все равно вора будет дергать. Ворону и кошке, когда они горят и еще барахтаются, говорят: „Чи тајроз: furagá n'ivux legy mra чи unaxana uixundor hu n'ivuxдох elyvgujá“. „Ты не знаешь, ты за игрушечное дело будешь терпеть (т. е. ты гиляку для примера послужишь), за закон греха пусть сделается этому человеку худо».

Присягу с каждым отдельным животным знает только определенный хаl. Есть род, у которого k:xał волк — kexr: ping чпагpung. Они поймали волка. Они ездили на охоту на нерпу, волк на льду сидел, и его унесло в лиман. Как раз эти охотники увидели его и носом к берегу подъехали. Этот волк пришел и сел на нос лодки. Хотели его убить, да пожалели. Они его высадили и выпустили. Через некоторое время эти же (люди) охотились, и медведь на них сделал нападение. Тогда этот волк явился, стал кружиться, нападать на медведя и спас их. Так (случилось) много раз. Плодился этот волк и его часто встречали (вообще же волков мало там). Чпаг-pung волка не убивают, и когда увидят, кормят его. Когда охотники, убив много нерпы, оставляют целые туши, волк их портит, но если Чпагpung остается, тогда он не портит. Поедут в тайгу, волк близко ходит около, они оставляют там юколу, мось и пр. Чпагpung его могут называть atk. Волков две породы, как и тигров: смиренные и несмирные.

Эта же жилка волчья употребляется иначе. Когда потеряется что-нибудь, тогда из гнилушки делают чучело человека, и на голову надевают ему пузырь нерпичий. Сухожилием волка обвязывают ему шею и ночью ходят и постукивают в угол первой юрты, говоря: „Pyz' pungjá — своего хозяина ищи!“ И ты

всю деревню обходят и при этом тянут за жилку. Тогда вор начинает задыхаться от испуга и сознается. Поднимается крик; случается, что вор при этом умирает.

При спорных делах тоже присягу принимают. При суде в балагане, где сидит хлај-півух, нельзя ничего варить, едят сырую юколу.

Палка (kys') — в аршин длиной с человеческим чхпај.

Если дело доходит до ломания палки, тогда потом платят больше — вдвойне. В балагане хлај-п'івух'а сходятся большие и маленькие (с. Карга, 1896).

Женщина, Девушка, достигшая половой зрелости, заплетает две роды и косы. Женщины прокалывают оба уха для продевания дети. серьги (mes'x); прежде и мужчины прокалывали уши.

С малолетней женой сношения допускаются лишь после того, как у нее появятся месячные. Во время менструации женщина одевается в самое старое и не спит с мужем. Женщины подмываются, но не горячей водой, иначе тугигтам (хозяйка огня) обидится.

У кexal (орочи) человек, имеющий двух жен, укладывает гостя под одним одеялом.

Женщина беременная не должна смотреть на Амур, когда он начинает ломаться, чтобы не замедлить вскрытие реки.

Рожают в балагане (повитуха — languv-там). Зимой роженица проводит в нем 1¹/₂ дня, а летом — 3 дня.

Кричать при родах нельзя — грех. Муж в это время никуда не ходит. Если ребенок умер при родах, то женщина целый год не должна ездить ни по реке, ни по морю — рыбы не будет. За месяц до родов нельзя туго вязать, ни вбивать кольца, чужому ничего нельзя починять. При трудных родах отпирают ящики, распарывают заплатки, развинчивают ружья. Новорожденного умывают холодной водой. Повитухе не платят. Пока пупок не заживет, родильница свой огонь имеет. После родов женщина 3 дня моется, потом переходит в юрту, но 7 дней сидит отдельно и ест из другого котла. В течение 10 дней после родов нельзя холодной воды пить, сырой рыбы есть, но если родилось двое младенцев, то можно. Когда ребенок рождается, вносят две палки, всовывают их ему в ручки и поднимают его. Когда он заболит, ему тоже дают в ручки палки и заставляют его подниматься.¹

¹ На другой странице той же тетради находим следующую запись: „Эти палки kuz' пупгуз' (от kuz' — фарт, удача и пупуз: — искать)“, что, нужно думать, относится к вышеописанным палкам.

Если два ребенка родилось, то делают две пары *rgung*, 2 *k:ong z'ax*, 2 палочки — тальниковые, полосато-изрезанные (*pylng z'ax*), 2 лучка (*риз:*) и стрелки особой формы (*m'erlar*) и привязки для люльки — *ritus'*. Когда готовят пищу, деревья эти — *ola' bituz'* — кормить нужно (с. Кальма).

Пока ребенок подрастает, пуповину — *kulmug* хранят дома, а потом самому надо отнести ее в лес и повесить на дерево. *O'ging чхпaj* — фигура, которую делают, когда ребенок внезапно пугается во время сна. *Чхпaj* — фигура, когда человек сам, без шамана, делает то, что ему снится.

Детские экскременты выливаются около пихты (мужского или женского экземпляра); сюда же бросают и волосы, после стрижки (только у близнецов нельзя срезать волосы). Нужно следить, чтобы на мочу и отбросы не попала женская кровь, ибо тогда ребенок пропадет. Если стоящее тут дерево сломать, то ребенок умрет. Это дерево называется *pila uigi*, а место называется *ki markf'* — буквально — „мочу выливать место“.

Детский амулет — *ola bituz* состоит из двух тоненьких елочек — *rgung*, вырванных с корнем в день рождения мальчика; крону их повязывают берестой. Затем их укрепляют, окружив простыми палками, и привязывают к ним связки листьев *Ledum palustre* — багульника (*tykr*), а также заструженную головку *k:ong z'ax*, головку шуки (*ius*) и крючки для одежды мальчика. Если мальчик умирает, все это бросают, если же он выживает, то все потом идет другому ребенку (сел. Кальма).

VII.

РЕЛИГИЯ.

Душа и обряды
после сожжения
трупа.

Душа — *чег:п*, *чхп*, *угух*, *из'* (сердцевина, как у дерева). У человека три души: одна главная — *чег:п* и две ее тени, помощники. Когда *чег:п* шамана ранена, то шаман умирает.

Если во сне что-нибудь ясно привидится и сбывается, то это действие главной души, а если не сбывается, то ее тени — помощника. Есть толкователи снов. Если корову увидеть, будет буран; если красную ягоду увидеть, то скоро заболеешь.

На другой день утром, после сожжения покойника, приходит его семья, сгребают пепел, с четырех сторон огораживают досками, покрывают еловыми ветками, а поверх дрелью, потом берестой, досками, которые прикрепляют к земле деревянными

крючками. Добытую из пепла черепную кость (чongг пунув) завертывают в белое, кладут между двумя дощечками и скрепляют их пупом («корень, из которого человек рождается»); таким образом, делают *ти п'ивух к:ак*. Некоторые помещают косточку в верхней части, другие — возле пупка. Укрепляют в земле доску в некотором расстоянии от места сожжения покойника — *ти п'ивух тув*. Одевают покойника в чулки, кушак, женскую шапку из рыси; если покойник мужчина, то и в мужскую зимнюю шапку, а к поясу привязывают с одной стороны кривой ножик (*ig:dzeko*), а с другой *kes'kes'* — железную цепочку и игольник, а спереди *mly* — сумочку с кремнем, трупом и огнивом. Потом рядом ставят колышек и на нем человеческий волос (от жены, сестры, матери) — *ти п'ивух киуг*, который будет служить покойнику стелькой для обуви при переходе в загробный мир; возле колышек с тремя рогами (сучками), на который ставится чашечка для кукушки (*рук пиг*), далее колышек с деревянной кукушкой — *ти п'ивух рук*, т. е. «мертвого человека кукушка», наконец, еще колышек с орлиным пером — *чамнгаг*.

Постройка могильного домика может быть отложена, но одетое чучело *к:ак¹* непременно должно быть сделано. Временно над ним воздвигается балаганчик из корья, *к:ак-гаг*. Наконец, строят домик — *гаг* и устраивают поминки.

Через день, через неделю, через месяц приходят ближайшие родственники, пьют, плачут, поминают: это проделывают в течение года, у некоторых два или три года; если некому, то один месяц, смотря по состоянию. По окончании срока «наблюдения» (*tigr az'газ*: — «наблюдение за деревом», время периодических поминок у домика покойника). Покупают водку, рис, созывают родных и «сватьев» и в течение 3—4 дней приходят на могилу и поминают; это последние поминки (*гаг рукуз'з*, *tigr рукуз'з*). Ходят на *тув*, место сожжения покойника, льют туда водку, сыплют от всех блюд, приводят любимую собаку и кормят ее. Собака эта называется *ргуски* — *г:ап* (у гольдов — *хан'а*, т. е. душа); у каждого человека непременно своя *ргуски*, даже у ребенка. Каждый с детства имеет свою любимую собаку, и когда человек умирает, то выбирают или его любимую собаку или лучшую собаку из запрягаемых в нарту и делают из нее *ргуски*. Если она умирает, ее хоронят и закрывают чурками. Каждый говорит покойнику следующее: „*Ning yvr: h́mnyz: kys' k:avr: tog:agán urgur vija tu-n'ivux gudóx mlyvo-rox (pimlyx-tox). Vingán,*

¹ *К:ак* — деревянное изображение покойника, вместилище для души.

erirózonuz:, híin pyk tynaxaná, pyk tyké, či jerinaxana hongan pi oz'ngan, cham nar:kir: pxiukuja plyngu tengu, hoxaród vétana xan'a nyn'gir: kiur keraj'a, hyhagyskú vetajá k:akgir:, turi xer: toz'ja, pykn'ir: pyk чах тануз: pyk текé: пернаханá. Urgur vir: namugur humujá pytyxu dog:a румуху dog:a, pi укынгудог:a, vijá.

«Возле нас жить, счастья нет (не судьба), в таком случае хорошо иди к покойникам, в селение мертвых (в свое селение мертвых). Когда пойдешь, через реку перейдешь, тут же кукушка будет куковать; после того как кукушка будет долго куковать, ты проснешься. Тогда ты встанешь, орлиными перьями отряхнешь с себя пепел и уголь, потом оденешься, из волос¹ стельку сделаешь, эту одежду одень, из фигуры, как мостик сделав, перейди; кукушка из чашки воду пьет, после того как, долго прокуковав, устанет.² Хорошо идя, хорошенько живи, своих отцов закон, своих матерей закон, своих старших братьев закон (соблюдай), иди». Эти слова говорят при обычных поминках.

Через некоторое время покупают медведя, кормят его два года и потом устраивают медвежий праздник. Если родственник покойного не покупает медведя, его презирают, ругают — «inain hardz:» «Ты какой же человек? Мать тебя воспитала, гавно чистила, хороший человек своего прыски так не бросит». За такую ругань судиться нельзя. При устройстве медвежьего праздника всегда помогают сородичи.

Пока большие поминки не кончены, женщина не может выходить замуж.

Ребенка до недели хоронят на дереве, до полугода — в земле. Если сжечь ребенка, умершего до третьего дня, то женщина долго не будет иметь детей.

На Амуре над могилой ставят 4 елочки с корнями.

В pila-dax (эпидемия оспы) покойников не сжигают, а обязательно хоронят в могиле.

Утопленник. Uiglyf — место, где вытащили утопленника. Когда человек утонул, его сжигают, а на 3-ий день делают одну toln'ir, т. е. чашку для жертвоприношений хозяину воды, корыто и kinys — чашку для утопленника; в корыто кладут mos, в чашку — красную смородину. Жалко человека: выбирают 2—3

¹ Из волос жены, сестры или матери.

² Кукушка всю дорогу до речки будет кричать, до речки не будет ни воды ни пищи. Она устанет, и ей надо из чашки пить. Есть кукушки, которые шатают, значит, устали при проводах покойника.

храбрых людей, укладывают покойника в лодку, на берегу, тут же у воды, и ставят *kinus pič*, китайский котелок и один тальниковый прут стоймя, в рост человека. Тут один чековек говорит: „Котел кипи, пар поднимайся, иди вверх, этот тальниковый прут расширься, хорошим заслоном сделайся, чтобы чорт гиляка не видел“.

Два человека, друзья покойника, садятся караулить, не шевелятся, не говорят, всех собак привязывают и ждут. В юрте шаманит шаман, вызывая того колдуна, который утопил человека, поесть из *kinus pič*: «Иди человеческое мясо есть!» Из-за гор, из-за долин он мчится. То среди полной тишины волна заплещет, вихрь пронесется, птица приплывет, черная собака прибежит. Волна вдруг к самой чаше уже подошла; покойник то шевелится, то голос издает, то садится. Тогда надо бывшей в постоянном употреблении дельфиновой острогой или копьем кольнуть покойника или (ударить?) в чашку, и почувствуется, будто копьё в человека ударилось, и следы крови на нем. На другой день у колдуна рана или болезнь, от которой он умирает. Потом хоронят покойника, а чашку держат два лета и бросают. Можно чашку и тотчас уничтожить. Очень красивой ее не делают. Потом делают настоящие *toln'ig* и жертвуют из них до третьего поколения.

Шаманское
камлание.

Есть шаманы 1) *toldox urlu čam*; 2) *pal'dox urlu čam*;
3) *kurdox urlu čam*; 4) *rang:at n'ivux* — ворожея.

Дома шаман обращается с вопросами к камню с дыркой — *tolfang*. Если камень сразу дает ответы, его бросают. Шаман спрашивает у своего *pal'rang:a* (это деревянная фигура, повязанная поперек белой дрелью, а на шее — стружками; ее подвешивают на веревочке). Качание фигурки — утвердительный ответ. Если нет *rang*, то к камню привязывают табак, завернутый в белую дрель. Он советует шаману лекарства, указывает, какие жертвы давать и какому именно *pal'u* (т.-е. *pal'u* своего или чужого рода) и пр. Изгнать нечистую силу он не может но может узнать, какой дух сидит, а также дать указания насчет воровства и насчет рыбы. Получает человек своего *rang* тоже во время болезни. Он может быть и шаманом, но часто плохие шаманы крадут (переманивают) у них их главных *kehp*. Есть шаманы, которые имеют *rang:x*, но не каждый их имеет. Есть шаманы, которые имеют *kitus'*, нечто вроде земляного червячка.

Шаман вызывает своих *kehp* и угощает их салом, сахаром, водкой. — «Ребята, уходите с окна!» кричит шаман. Через не-

которое время окно трескается, и kitus' входит. Kitus' живет не у шамана, а за хребтами, за 9 хребтами, за 9 речками; там есть гольцы (ráxtigraŋ). Там хозяин старик. Дом из железа и камня, у него ворота: первые ворота удав караулит; вторые ворота — крокодилы (здесь есть маленькие ящерицы-крокодилы — mēng:aj); последние третьи ворота караулит тигр. Под порогом сидит pal'-g:an = haluviz: (?), т.-е. маленький тигр, и караулит. У этого старика находится главный старик pila k:ak hejmar (pal' yz', pallung p'ivux — горный хозяин-человек). Возле pila-xas' (столб, подкрепляющий матку) должен быть в каждой юрте камень для котла (пичвах); другой камень у порога. Под первым камнем хранится этот червяк. В этом доме находятся разные животные: простые лягушки — tall и лягушки этого дома mifriz:. Этому червячку шаман отдал на хранение своему червячку. Шаман: «Масси (неразборчиво), иди туда, попроси удава и тигра, сторожей ворот». Иногда по целым дням упрямится удав; ему сулят черную собаку, собачью кровь, двойную картошку, красивое инау и т. д. Pal-yz'у сулят копьё и пр. «Панцырь тебе подарю, копьё тебе подарю, большой котел с 4 ушками, кусок китайской шелковой материи, собаку черную, лохматую, еще пятнистую, рябую собаку пожертвую». „Pet'gir: чхуз' пухта k:ax чхузпухта' pilavyn' noz' nykrvyn' tata чарbgir, k:angir ygrluk an'чи kurgur g:angir ч'хыз' пухта“. Тогда он соглашается и начинает просить kitus'a вылезть. Kitus' медленно выползает, масси заворачивает его в белый шелк и приносит шаману. Тогда шаман говорит: „От окна отстранившись сидите, червь идет, от такого-то окна отстранившись сидите. „Pax jenverxnga five, kitus' prujvura! Kembaх pax jenverxnga fivé“. Вот стрелой червь пронзил окно и прямо к шаману. Шаман взял к себе.

Главным образом нужно лечить проказу — хачиз и кожные болезни.

Лечение проказного.

Шаман просит ввести собаку в избу. Больной сидит, спустив ноги с нар на пол. Перед ним чугунный котел, отверстием вверх. Человек держит собаку, а шаман ходит по юрте и камлает (шаманит); потом шаман харкает — «выпускает дух», достает изо рта маленького червячка и подносит его по направлению к собаке. Собака отскакивает — ее укололо. Тогда озлобленного червячка направляют к больному; шаман становится против больного с червяком в руках, и голова шамана превращается в большого дятла — ves'xg: — черного с красным лбом — и, зажмурив глаза, начинает мо-

тать головой вокруг лица больного, чтобы определить, где ему долбить лысину, т.-е. чтобы узнать, где червь болезни (шаман, зажмурив глаза, насквозь видит человека, и больной «весь голый» сидит). Шаман находит мягкое место, кольнет червяком и вытаскивает оттуда другого червяка, которого бросает в котел. Так он из всего тела вытаскивает всех червей, оставляя лишь одного червя *s a t u i*., без червя человек не может жить; этот червь плодиться уже не может. Видевшие этих червей в котле говорят, что они напоминают древесных червей. Этот котел покрывают другими котлами. Тем временем он велит ночью своим *кехп* караулить чашу. На другой день он велит гилячкам крепко обмотать котел калужьей сеткой и закопать в землю, а сам шаманит. Шаман отвозит его через 5 рек и 5 хребтов. Он поет, чтобы маленькие горы сделались большими, а речки — большими реками. Там он выкапывает яму, куда складывает котлы и обматывает их. Идущие должны считать 5 распадков и 5 хребтов. А шаман снова поет, чтобы высушенные маленькие ключи превратились в большие реки, реки — в утесы, а калужья сетка — в самый густой проволочный мешок — «сделайся проволочным мешком, чтобы червь не вышел». Шаман словами запаивает котлы: «Два котла, вместе растаяв, сливайтесь, сделайте взаимно одним».

Перед тем, как сделаться шаманом — *рохтыгз*:чаш, — шаманом, умеющим вести душу на тот свет (от *рохтыгз*: — вести душу на тот свет), он хворает, мучается, пока изо рта не выходит *pulk* (гольдское *tulin*) — шаманское медное зеркало, *товз* (гольдское *рпн'чи*) — кусок меди для дымокура у шамана, потом рога — *тигк'и*, наконец, *лахч* — нож у пальмы. *Лохч* гиляцкого шамана его собственного изделия, но рогов он не имеет, а *pulk* покупает. *Uz'mu kexп* — дух покровитель шамана, то, что у гольдов *ајати*, живет в *из'* шамана. *Uz'* — одна из трех душ шамана, буквально, сердцевина у дерева.

VIII.

ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОХОТОЙ И РЫБНОЙ ЛОВЛЕЙ.

Чэдзигр-тури,
тоigo. *Чэдзигр* — дерево (лиственница), которое ставят в тайге возле охотничьего балагана и перед которым жертвуют хозяину неба. Каждый год ставят новый *чэдзигр*, но старого трогать нельзя, даже руками нельзя касаться.

Если же он сам упадет, то его относят на охранительное место — *chédzigt nan'gof*.¹ В с. Кальво на *chédzigt* на перекладине — 2 фигуры *uzix* — мужик и баба. *Chédzigt* кормят в первый день месяца *anlong* (декабрь), другой раз в июле. Все усаживаются вокруг, старик берет у каждого понемножку из угощения; делает *чих-чигинд* — жертвоприношение — и ставит инау. Инау делают из рябины.

К месту, где стоит *chédzigt* собираются только представители рода, *k:xal n'axg*. Приносят рису, буды, чушку и водку. Перед деревом лабаз для посуды. Чушку режут и брызгают ее кровью, приговаривая: «*Kug, indujá* — бог, посмотри!» На дереве никаких изображений не делают.

Дерево это также дорога: все дают *tly-n'ivux'u*; жертва идет по дереву, потом по нитке, которая идет от дерева и служит следом. Разводят огонь, чтобы смолить чушку. Огня не кормят, но зато его оберегают, не топчут. Обязательно требуется, чтобы светило солнце при жертвоприношении, а потому иногда приходится ждать. Когда балаган ставят на новом месте, то делают новый *chédzigt*.

Все собираются в одной юрте. Рано утром от **Тлюгох — жертвоприношение небу.** *правляются* искать лиственницу (для *chédzigt*), а женщины готовят разные блюда; потом укрепляют принесенное дерево и несут все блюда в китайской или японской посуде. Есть деревни, где *tlygox* совсем не делают; в Тэвх вместо чушки и петуха закалывают только красную собаку *rag:t x:an*; привязывают ее к *chédzigt*, удавливают, вырезают сердце и бросают вверх. Угощают друг друга водкой, и водкой мажут *chédzigt*. Празднуют один раз в год в январе — *chamlong*. „Слово“ при *tlygox*: „*n'jongarja kinynghic: humguja', xólafti lygy-guja'*“, т.-е. „пожалуйста, чтобы я жил хорошо, чтобы болезни не было“.

Потом делают новую березовую чашку (*nan'gar:*), ставят на землю и кладут в нее жертву. Тут же ставят лыжи, палку, самострел; (*nan'góz:*); „слова“ (молитвы) не говорят и тихонько удаляются. Дома огонь «делают», и, когда все сварено, кладут все жертвоприношения между хвойными ветками, потом помещают между двумя развилинами (*tuurg'a'vk*): развилку бросают в огонь и назад вынимают. Развилку эту по окончании охоты кладут под голову, что защищает от *milk'a* (злого духа). На

¹ В другом месте говорится, что *chédzigt* не возобновляют до его падения.

утро тихонько, крадучись, нужно взять обратно лыжи и пр. Эти вещи кладут для того, чтобы Tly-n'ivux по дереву спустился, и по этим вещам узнают, каков Tly-n'ivux и «хорошее ли у него сердце» и даст ли он «фарт» или нет. «Ведь нас 5 человек ходит, один поймал, а другой гоняет, гоняет и ничего не добыл. Как так?»

Во время tax — оспенной эпидемии — в Тыр все гиляки собираются и приносят жертву — кланяются, дают рис, коренья, ягоды. Первым жертвует 120-летний старик Зявкаю из деревни Дыльмю. Молятся перед деревом chédzig. Этот старик помнит 4 больших tax.

Pal любит дерево с различными особенностями, и когда совершают что-нибудь торжественное, то выбирают такие предметы. Жертву всегда дают своему родовому Pal-uz'u (хозяину гор), но Pila-uz'u (большому хозяину) не дают. Его чаще всего видят на сопке. Кричать ему нельзя. По той стороне разговор идет — это Pal uz'. Pal — горный хозяин — любит черную собаку Tol — хозяин морской — белую. В каждом большом доме два огня, Pal-tuug и Tol-tuug. Если у кого одна печка, то только tol-tuug, а если нужно медвежье мясо варить, то идут к сородичу того хала, у которого две печи. ¶

Tol-taxej — это taxej из лиственницы; к нему привешен молоток chong-ctás'. Возле halupug (лабаз), на который укладывают туши дельфинов, калуги, оленей. Тут же непременно и варят дельфинов, тут же и кости остаются лежать, кроме черепов и голов, которые отвозят на k:xogk p'angof, т.е. место, где кладут череп. На halupug во время funupz: ставятся только два блюда — mos' и mivi (кисель). Отсюда же, в присутствии всего хала, бросают в Амур всего понемножку, но ничего не говорят — иначе еще несчастье случится. — Потом на taxej вешают табак, ag:a (ахуз') — пучку, юколу — puz' и дают знать, чтобы все вышли кормить. Здесь главная контора Tol'a. По-сылают кричать: „Ыгk-ли? — Хватит ли?“ — „Ыгkга! — хватит!“ Все подходят домами и кормят, и каждый свое говорит: «Дельфина пришли! рыбку пришли!» После этого всем надо вместе одновременно вернуться, а то большой грех будет, если встретиться друг с другом.

Обыкновенный taxej охотника — индивидуальный uig. Кто коснется его, дает собаку. Если же чужеродец оскорбил lezing (место для медвежьего праздника), то собирается vorund kumlyz: и его судят, требуют медведя или luk — лохматую собаку. Pyl-uz' — духа-хозяина кормят каждый месяц. Если поймали вкусную рыбу,

режут себе кусок и ему кусок, а через полчаса, когда его куски полежат, сами их съедают.

Когда строят *pila uigryf* (дом, в котором устраивается медвежий праздник), надо обязательно медвежий праздник устроить. Если негде купить медведя, то надо убить *luk*: — лохматую черную собаку («все равно *molka*», т.-е. как медведь). Если дом простой то убивают только собак, в количестве 2—4 и безразлично каких. Если на *lezing* столб упадет, то двух черных собак убивают. Для *pila uigryf* не требуется вовсе, чтобы человек был задрян медведем. После медвежьего праздника, когда чужеродцы возвращаются (к себе) домой, медвежьи кости перевязывают ремнем, а их собак убивают у особого *čédzigr*.

В одной деревне одному роду два *lezing* нельзя делать, но *uigryf* может быть несколько. Всякий дом, где происходит медвежий праздник, это уже *uigryf*.

IX.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖИВОТНЫХ.

Čogamlaž: (*čhogamland*) — как кошка, хорек, даже меньше кошки; губа черная. Ходят табунами; видели их следы. Считаются самыми опасными зверями. Если наткнешься на них, то надо взлезть на дерево; они окружают дерево, но взлезть не могут. Человек привязывает к сучку шапку и пускает вниз, звери подскакивают; человек назад, те падают, грызут шапку и т. д. Наконец, он спасается: машет вокруг длинным стягом, и они бегут от этого шума.

Старший из всех сухопутных зверей *pal-miv-kmyg*: *mug:nga igagū syktymu yz'miz:gu*. Они человеческой природы. Когда-то лев, тигр, медведь были людьми. Они со своими женами «через зад делали». *Kig* случайно увидел это. Он им говорит: «А, раз вы по-зверски имеете сношения, так и впредь оставайтесь зверями». Тогда они сделались зверями. Поэтому их считают человеческой природы. Медведь тоже был человеком, но ходил на четвереньках. *Kig* увидел это: «Раз ты ходишь по-зверски, то и ходи по-зверски». Но он сношения имеет не через зад.

Скотоложства нет. — На Сахалине родился раз мальчик с хвостом.

Жаворонок делает гром, а потому его нельзя убивать. Подходить к его гнезду с птенцами грех — будет гром.

Громовая птица — *tet luj zevrk*: — делает гром, а раскрывая рот — молнию.

Гагара — самая главная водяная птица. Самая старшая гагара ипн с хвостом, кричит тонким, как бы человеческим голосом «о-о-о!», вторая — k:axtr, ag:n'i, поменьше, кричит «ка, ка, ка», или «вах, вах!» Третья гагара — агп' самая меньшая, кричит почти человеческим голосом «а-а-а!»

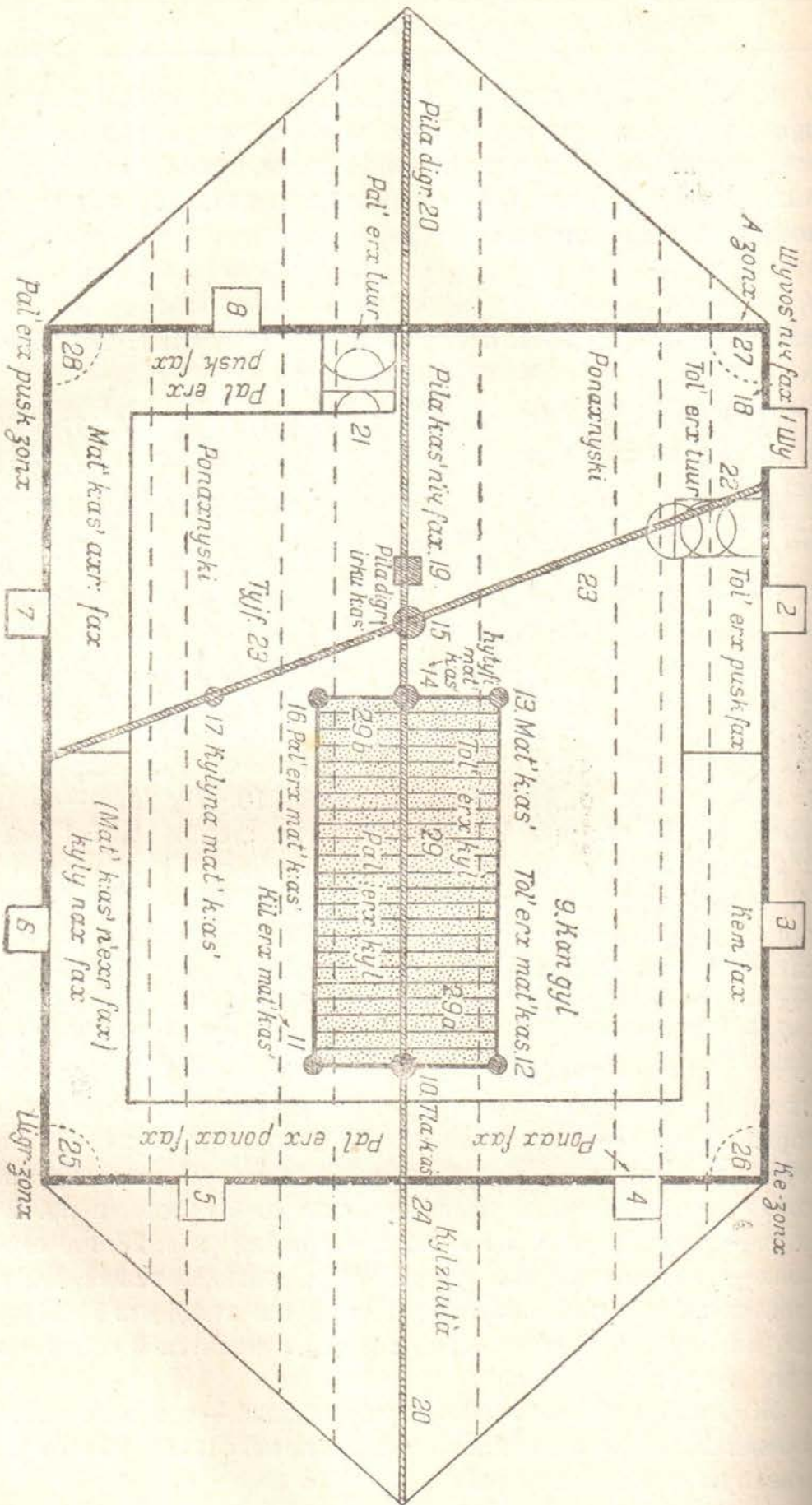
X.

ПОСТРОЙКА ДОМА, ЕГО ПЛАН И СВЯЗАННЫЕ С ДОМОМ
ОБРЯДЫ.

Перед укладкой первого венца пробуют сыпать муку; если при этом на утро след человеческой ноги будет, то хорошо, если руки человеческой или зверя, то худо, и тогда меняют место. Если никакого следа, тоже хорошо.

Объяснение к плану дома (см. чертеж). 1. Шу — дверь. 2. Tol-erx rusk fax — окно, расположенное в направлении очага „хозяина“ моря. 3. Kem-fax, — второе окно налево от двери. 4. Ропax-fax — окно над средней нарой. 5. Pal-erx ропax-fax — окно в направлении хозяина горы. 6. Куly пах fax (mat' k:as' p'ehx fax) — окно вдоль длинной нары. 7. Mat' k:as' axr fax — окно возле маленького столбика. 8. Pal-erx rusk fax — окно со стороны горы. 9. Kangyl — место для привязи собак. 10. Tly k:as' — большой столб. 11. Kil erx mat' k:as' — маленький столб. 12. Tol erx mat' k:as' — столб со стороны моря. 13. Mat k:as' — маленький столб. 14. Нуtyfi mat k:as' — средний маленький столб. 15. Pi'la digr-irku k:as' — большой продольный столб под маткой. 16. Pal erx' mat k:as' — маленький столб со стороны горы. 17. Куlyпá mat' k:as' — длинный тонкий столбик. 18. Шyvos n'ic fax — небольшой камень у порога. 19. Pi'la k:as' n'ic fax — небольшой камень у порога на уровне пола. 20. Pi'la digr — продольная матка. 21. Pal erx tuug — очаг хозяина горы. 22. Tol erx tuug — очаг хозяина моря. 23. Туjф — поперечная балка, основа дома. 24. Kylzhutá — середина нары, куда кладут раненого медведем человека. 25. Uig z:opx — табуированный угол для медвежьей головы и пр. 26. Ке z:opx — верхний угол. 27. А z:opx — нижний угол. 28. Pal erx rusk z:opx — угол со стороны горы для табуированных вещей. 29. Пол — делится на две половины: а) pal erx kyl и в) tol erx kyl. На каждой половине ставится только то, что относится к соответственному духу, к tol или pal'.

Жертвоприношения (жертвенные блюда — чпáus) ставятся на соответственной половине; если места нехватает, то на соответственную нау (tol или pal').

Тувуз — „хозяин“ дома, живет или под столбом (10) или под камнем (19). Иногда это старик, иногда старуха или молодая женщина.

Хозяин дома и его семья занимают *tol' egh pusk*; если семья большая, то еще *kemfax* (3) и *ponaxfax* (4). Медвежью голову ставят посредине (25).

Осенью во время чистки кормят решительно все: и стены, и пол, и подпорки под нарами, края нар и пр.

Обряды при
окончании
дома.

Когда кончают новый дом, то ставят две палки: одну спереди, другую сзади (дома) и между ними протягивают нитку, на которую навешивают изображения солнца (*keng*) и луны (*long чах*). Их не возобновляют впоследствии.

По окончании дома устраивается жертвоприношение: готовят *mos' 1)*, *alys* — ягоды 2), *гак*: — кашу из риса или пшена и кормят 4 угла (*чопх*), 4 столба (*мон'-пах*) и 2 столба посредине — передний *амхас'* и задний — *кемхас'*, в котором живет хозяин; кормят тоже поперечину — *туји* (ез:). При этом старик говорит: „*Urta dyf mija' polagu kúnungich: humguja', ta sixuz x:olaf ta hum guja'*“ — хороший дом будь (чтоб крепко сидело). Моим детям сделай, чтобы было благополучно, какой-нибудь болезни чтобы не было». Осенью дом чистят, мажут глиной и жертвуют — *тув агуз*:

Тув уз' бах — камень перед порогом или за порогом, либо кусок чугуна; под ним сидит „хозяин“, караулящий вход *milk'ов*.

Лум уз' — порог. За порогом под землей кладут разные кушанья (*чуиз*:) — земле, — хозяину и *tol fупуз*:

Освящение
дома.

Накануне освящения, в день окончания постройки, с закатом солнца надежный человек должен забраться туда и прислушиваться, не будет ли треска или сияния.

Если раздается треск во время заката или замечается багровое сияние, то это худой признак. Если треск на рассвете или сияние ярко-светлое — то это признак хороший. Худой признак означает, что в доме поселился не настоящий „хозяин“, а чорт — *kins*. Тогда надо звать шамана, который делает *чхпуг чхпaj* — травяную фигуру и изгоняет беса. Настоящего «хозяина» два раза кормят — осенью (чисткой)¹ и в другой раз по желанию. Кормят все столбы, косяки, порог, матку, камень под порогом возле двери, где живет старик или старуха, оберегающие дом от входа нечистой силы.

¹ Повидимому, речь идет об очистке очага кормлением „хозяина“ огня.

Изгнание нечистой силы происходит следующим образом: травяную фигуру — чхпај, на трех ногах, ставят посредине юрты. Человек держит ее за шнурок, привязанный к руке; в другой руке он держит дубинку. Шаман шаманит с бубном. Нечистая сила должна скрыться. Шаман перечисляет стенки, ящики и разные другие вещи в юрте, из которых его кехп должны изгнать нечистую силу, и только не называет одного угла — тут-то и прячется нечистая сила.

Тогда шаман говорит: «*gy, gy* (т.-е. «хорошо»), в таком-то углу нет нечистой силы», и все отвечают: «*Gy-gy, gy-gy*, в таком-то углу нет нечистой силы». Наконец, шаман говорит: «В таком-то углу спрятался *kings. Massi* (повидимому, дух — помощник шамана, иди достань его, а остальные сделайте облаву!» «Вот-вот вышел, собакой вышел... (обращаясь к кехп, т. е. к духу): «Сделайте облаву, гоните к этой травяной фигуре. А! Он обернулся мышью. Хор: «Он идет туда. Он обернулся в человеческий образ... Он обернулся птицей. Он забрался в столб!»

Наконец, нет больше места, и ему волей-неволей надо забраться в чхпај — травяную фигуру. Когда он вошел в нее, то в руке державшего нить дрожь появляется. Шаман кричит: «Бей его!», и тот бьет. Зажигают свечу, освещают, смотрят травяную фигуру: она опять головой не к порогу. Шаман снова ищет его. Находит. Опять то же самое. Наконец, чхпај головой к порогу, значит, злой дух вышел. Шаман оставляет на ночь своего *Massi* караулить. На другой день вечером он зовет настоящего «хозяина», но тот отвечает, что запоздал. Настоящий «хозяин» обыкновенно бывает спрятан под землей, шаман ищет его и обращается к нему с просьбой: «Вот построили избу, будь хозяином, тебя кормить будут, наблюдай, береги!» Наконец-то хозяин появился посреди пола, голову высунул. «Выходи, говорит шаман, не стесняйся, чего желаешь, скажи, все приготовим!» Хозяин отвечает: «Собаку убейте, кровью угол мажьте, варите мясо, чтоб собачий пар наполнил дом. Костерку варите. *Mluk tagcho* (рыбу с двумя плавниками у хвоста) варите, белого линька, пучку, кеты голову сварите, каждый столб паром угощайте, так делайте, багульником дымокур делайте, чугунный кусок вбейте, несколько штук у порога и в других местах пола, тогда пол будет железный. Так и укрепляйте».

XI.

РАЗНЫЕ.

Между Хэзь и Чильми — утес Уј-рапне в виде изолированного каменного столба. Раньше тут слышно было, как хозяин утеса бил в бубен. Ему три раза (в году) жертву приносили и обращались с просьбой: «Рхус'куг игигунджа! — своим фартом сделай нам хорошо!»

Во время рiла-дах (эпидемия оспы) больным дрова подносят, воду, но сами в дом не входят.

Когда узнают, что во всех селениях все окончилось (т.-е. прекратилась эпидемия), тогда покойников вынимают из могил и сжигают; боятся раньше сжигать, ибо считают, что дым разносит заразу. Единственное, что допускается, это курение багульником в юртах.

Женский характер. 1) Женский характер, как вихрь, ветру подобен.
Пословицы. 2) Одной затяжкой перевернешь женский характер. 3) Женщина, что в чистом поле разведенный огонь: ветер подует — повалил.

Меряченье. В Чарбахе болезнью меряченье страдают два человека — две женщины; болезнь передается наследственно по женской линии. Страдающие меряченьем повторяют решительно все, даже на иностранном языке; повторяют даже действия. Припадки наступают во время испуга. Больная тогда в беспамятстве, но после она сознает. Если ее заставить много раз повторять что-нибудь, то она готова броситься с ножом. В молодости не мерячили.

Есть еще такие больные в Тымво и Пронге.